Rech proiznesennaia v zasedanii pskovskago arkheologicheskago Obshchestva

РѢЧЬ,

произнесенная

въ

засѣданіи псковскаго археологическаго общества

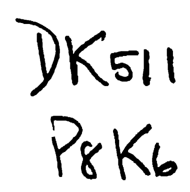
8 Сентября 1881 года

дѣйствительнымъ членомъ

С. В. Кохомскимъ

въ воспоминаніе славной обороны г. Пскова отъ войскъ Стефана Баторія въ 1581 году.

ПСКОВЪ
ТИПОГРАФІЯ ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.
1881.

Перепечатано съ разрѣшенія Губернскаго Начальства изъ № 41-го Псковскихъ губернскихъ вѣдомостей.

Приложеніе къ протоколу VIII-го (обыкновеннаго) общаго собранія Псковскаго Археологическаго Общества.

РѢЧЬ,

произнесенная въ засѣданіи Псковскаго Археологическаго Общества 8 сентября 1881 года дѣйствительнымъ членомъ С. В. Кохомскимъ въ воспоминаніе славной обороны г. Пскова отъ войскъ Стефана Баторія въ 1581 году.

Событіе, которое вспомнить мы собрались сегодня и памяти котораго посвящено было религіозное торжество сегодняшняго утра, есть одно изъ самыхъ знаменательныхъ событій, какія только находимы нами въ лѣтописяхъ отечественной исторіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что оно было довольно важно и по своимъ результатамъ. Достопамятная оборона Пскова отъ войскъ Стефана Баторія въ 1581 году остановила этого воителя на пути доселѣ побѣдоносномъ, познакомила его съ дѣйствительными размѣрами той силы, съ которой онъ велъ борьбу, заставила поскорѣе воспользоваться возможностью выгоднаго мира и, получивъ Ливонію, отказаться отъ разсчетовъ на исконныя русскія владѣнія и города Псковъ, Новгородъ и др. Но извѣстно и то, что пріобрѣтеніе Ливоніи и было для Стефана главной цѣлію войны, что на покореніе цѣлаго Московскаго государства или какой нибудь исконной части его не могъ разсчитывать король, который въ теченіе этой трехлѣтней компаніи долженъ былъ три раза лично отправляться на польскій сеймъ, съ величайшими усиліями поддерживать тамъ сторону войны противъ многочисленныхъ сторонниковъ мира и встрѣ-

чать такія трудности въ полученіи отъ сейма денегъ для содержанія войска, какія для человѣка менѣе ловкаго и энергичнаго показались бы непреодолимыми. Поэтому намъ кажется, что оборона Пскова особенно важна не по своимъ послѣдствіямъ для внѣшней политики Московскаго государства и для спасенія и охраны чести и владѣній русскаго престола, но по своему внутреннему значенію.

Всмотримся въ самое событіе.

Оборона Пскова была ведена не московскими только ратниками, которыхъ было въ Псковѣ 15.000 на 100.000 войска Стефана. Еще до осады тяжесть работъ по возобновленію ветхихъ укрѣплевій лежала на Псковскихъ гражданахъ. Чудесное видѣніе старцу Покровскаго монастыря, въ которомъ Пресвятая Дѣва призвала къ себѣ Псковскихъ заступниковъ Епископа Нифонта, Князя Гавріила и Николу Салоса, объявила имъ о карѣ божественнаго гнѣва, имѣющей постигнуть городъ за грѣхи его и обѣщала свою помощь и заступленіе,— это видѣніе соотвѣтствовало убѣжденію жителей Пскова, что нашествіе короля Стефана представляетъ величайшую опасность для ихъ города. Это убѣжденіе выразилось въ дружномъ содѣйствіи жителей оборонѣ Пскова, все болѣе и болѣе возраставшемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ рѣдѣли ряды ратниковъ, возбуждалась отвага непріятелей, и опасеніе постыднаго отступленія дѣлало ихъ рѣшительнѣе въ нападеніяхъ. 8 сентября покрыло славой столько же Псковскихъ гражданъ, какъ и московскихъ ратниковъ и воеводъ. Всѣ Псковичи, всякаго званія и состоянія, нетолько мужи, но и жены покрыли себя въ этотъ день неувядаемою славой. Межъ тѣмъ какъ духовенство непрестанно молилось въ соборномъ храмѣ св. Троицы, граждане спѣшили къ мѣсту битвы, вооруженные какъ и чѣмъ попало, пуская въ дѣло ручницы, самопалы, каменья, горящую смолу и проч.. Баторію пришлось имѣть дѣло не съ одними искусниками ратнаго дѣла, въ обычномъ вооруженіи выступаю-

щими для правильной обороны беззащитныхъ или не желающихъ защищаться гражданъ, но со всей массой Псковского населенія, готоваго скорѣе разстаться съ жизнію, чѣмъ достаться во власть врагу и въ своемъ отчаянномъ мужествѣ гораздо болѣе страшнаго, чѣмъ царскіе стрѣльцы.

Баторій встрѣтился съ явленіемъ, которое на взглядъ западно-европейца всегда было странно. Онъ смотрѣлъ на войну, какъ на борьбу правительствъ, въ которой народъ не долженъ принимать участія, на которую онъ долженъ смотрѣть какъ на турниръ, куда съѣзжались блестящіе рыцари, чтобы оружіемъ рѣшать свои споры о первенствѣ. Отсюда предъ началомъ войны онъ издалъ манифестъ, въ которомъ предупреждалъ жителей, что ему нѣтъ никакого дѣла до мирныхъ гражданъ, и что онъ ведетъ борьбу только съ царемъ. Незадолго до осады Пскова Стефанъ предлагалъ Іоанну поединокъ; онъ писалъ: «жалѣешь ли крови христіанской? назначь время и мѣсто, явись на конѣ и одинъ сразись со мной, да праваго увѣнчаетъ Богъ побѣдой».

Въ западной Европѣ борьба государствъ имѣла большей частью характеръ личной борьбы монарховъ, къ которой народъ относился безучастно, какъ къ одному изъ многихъ неизбѣжныхъ золъ, надъ нимъ тяготѣвшихъ. Не сочувствуя ни одной изъ враждующихъ сторонъ, народъ большей частію ничѣмъ не проявлялъ себя въ пылающей вокругъ него враждѣ и равнодушно ждалъ, на чью сторону склонится побѣда, и подъ кѣмъ быть рѣшитъ ему судьба. Иногда онъ продавалъ свое содѣйствіе тому, кто давалъ больше денегъ или обѣщалъ больше льготъ. Разсчитывая на это, Стефанъ въ октябрѣ 1581 г. писалъ къ Псковскимъ воеводамъ въ запискѣ, пущенной въ городъ со стрѣлой: «сдайтесь мирно; вамъ будетъ честь и милость, какой не заслужите отъ Московскаго тирана, а народу льгота, неизвѣстная въ Россіи, со всѣми выгодами свободной торговли, нѣкогда процвѣтавшей въ землѣ

его. Обычаи, достояніе, вѣра будутъ неприкосновенны: мое слово—законъ».

Здѣсь искусный въ переговорахъ Стефанъ, чтобы расположить въ свою пользу Псковичей и настроить ихъ противъ Іоанна IV, весьма кстати намекалъ какъ на жестокій характеръ Іоанна, такъ и на благо свободы, отнятое у Псковичей всего 70 лѣтъ тому назадъ. Время Іоанна IV было тяжелымъ временемъ для русскихъ. Въ Москвѣ обнаружилось начало разложенія, великая нравственная порча, гнилость, производимая множествомъ причинъ. Грозный царь обвинялъ почти всѣхъ приближенныхъ своихъ, которымъ дотолѣ онъ вѣрилъ и которымъ вѣрила земля, въ измѣнѣ и враждѣ къ престолу и отечеству. Одинаково было страшно и повѣрить и не вѣрить этому обвиненію. Страшно было землѣ увидѣть себя въ такихъ язвахъ, въ какихъ представлялась она Іоанну, и сознать отовсюду гнетущее ее бремя измѣны, своекорыстія, полной продажности и проч. Если же обвиненіе Іоанна было несправедливо, то къ чему были эти потоки крови, эти безчисленныя казни, сопровождавшіяся такими истязаніями, отъ которыхъ сжималось и сжимается сердце? Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что православный царь въ нравственномъ отношеніи глубоко палъ, что его жизнь, полная кровавыхъ потѣхъ, производила соблазнъ среди подданныхъ; несомнѣнно, что онъ истреблялъ безъ всякаго разумнаго основанія, только по необузданности и свирѣпости характера, всякую знатность, все выдающееся и имѣющее притязаніе на свободу слова и дѣла; безъ всякой опредѣленной мысли и разумной цѣли онъ повелѣлъ разграбить, въ свое посѣщеніе Пскова, домы знатныхъ гражданъ. Несомнѣнно, что, истребляя знатность, онъ давалъ не менѣе чувствительные удары и простому народу, который погибалъ на правежѣ отъ опричниковъ, вымиралъ отъ голода въ Новгородской области, страшно опустошенной въ нашествіе Іоанна, и тысячами погибъ въ самомъ Новгородѣ. Стефанъ Ба-

торій имѣлъ полное основаніе сказать Псковичамъ: несчастные! чего вы ждете отъ своего тирана, что заставляетъ васъ защищать власть, которая дѣлаетъ все, чтобы быть для васъ ненавистной. Испорченный нравственно Іоаннъ иногда не щадилъ лицъ, отличившихся святой ревностію ко славѣ отечества, смѣялся надъ самоотверженіемъ и смертію за родину, казнилъ лицъ, отбивавшихся отъ враговъ до послѣдней крайности и отдавшихся имъ только тогда, когда сдѣлалось для человѣческихъ силъ невозможно стоять дальше. Такимъ образомъ, Московское государство переживало время, когда народъ долженъ былъ, по видимому, лишиться вѣры въ правительство, когда его любовь къ престолу переносила испытанія наиболѣе тяжелыя.

Въ частности, Псковъ, недавно утратившій свои старинныя права, всего лишь семьдесятъ лѣтъ тому назадъ простившійся съ вѣчевымъ колоколомъ и съ нимъ лишенный всей своей гордости, въ замѣнъ своего славнаго боеваго прошлаго занявшій скромное мѣсто въ ряду всѣхъ другихъ русскихъ городовъ, безусловно подчиненныхъ Москвѣ, потерявшій послѣ 1510 года свое торговое могущество и благосостояніе, отданный въ жертву своекорыстію и кривосудію царскихъ намѣстниковъ, этотъ городъ, такъ мало по видимому выигравшій и такъ много потерявшій съ безусловнымъ подчиненіемъ Москвѣ, могъ ли одушевляться любовію къ только что наложенному на него игу, могъ ли стоять за это иго, какъ за святыню, до послѣдней капли крови, если бы не было у него такихъ прочныхъ, въ глубину идущихъ связей съ Москвой и русскимъ царемъ, предъ которыми были безсильны сулимыя Стефаномъ льготы, безсильно все, что слабыхъ душей могло повидимому располагать къ измѣнѣ Московскому царю и къ тайному доброхотству замысламъ образованнаго, храбраго польскаго короля?

Эта глубокая, неразрывная связь съ Москвой представляется намъ въ видѣ духовнаго единства, которое повсюду

и всегда влекло къ центру, представляемому всероссійскимъ престоломъ, все, что есть на свѣтѣ истинно русскаго. Это влеченіе къ обще-русскому центру выразилось въ безропотномъ сліяніи съ Москвой бывшаго прежде самостоятельнымъ Псковскаго вѣчеваго государства, въ добровольномъ подданствѣ Малороссіи, въ тяготѣніи къ Россіи православнаго славянства на западѣ Европы, тяготѣніи, котораго нельзя объяснять съ точки зрѣнія космополитическаго принципа: ubi bene, ibi patria. Это духовное единство съ центромъ Россіи, это нравственное тяготѣніе къ Москвѣ съ ея православнымъ царемъ сказалось и въ отвѣтѣ Псковскихъ защитниковъ на предложеніе короля сдаться. «Мы не жиды, отвѣчали они, не предаемъ ни Христа, ни царя, ни отечества. Не слушаемъ лести, не боимся угрозъ. Иди на брань; побѣда зависитъ отъ Бога». Это значило: не нужно намъ изъ твоихъ рукъ ни свободной торговли, ни благъ самоуправленія; мы хотимъ состоять подъ державой русскаго царя, чего бы намъ это ни стоило. Измѣнить ему значило бы измѣнить и Христу.

Возникаетъ вопросъ, что значитъ и откуда возникло это духовное единство русской земли, сказавшееся въ стремленіи найти себѣ центръ и въ необыкновенно строгомъ охраненіи однажды отысканнаго центра?

Когда заходитъ рѣчь объ основномъ характерѣ и направленіи духовнаго развитія того или другаго европейскаго народа, то она скоро сводится на вопросъ о вліяніи на этотъ народъ христіанства, о способѣ его распространенія въ началѣ и о послѣдующихъ судьбахъ христіанской церкви среди этого народа. При этомъ весьма часто указывается, что христіанство было проповѣдано западнымъ европейскимъ народамъ на чуждомъ для нихъ латинскомъ языкѣ, на этомъ же мертвомъ языкѣ совершалось богослуженіе, въ латинь была закована и церковная наука. Послѣдствія этого господства латыни были неисчислимы, но мы

обратимъ вниманіе лишь на самую существенную сторону въ этомъ обстоятельствѣ, именно на то, что христіанство, закутанное въ тогу классическаго языка, не могло сродниться съ народной душей, совершенно овладѣть народнымъ сознаніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отлиться въ совершенно народную форму. Христіанство для запада должно было оставаться на вѣки даромъ вѣчнаго Рима, корни его оставались постоянно въ Римѣ, пониманіе его приходило или присылалось изъ Рима, такъ какъ народу недоступны были ни смыслъ богослуженія, ни книга Св. Писанія. Къ этому открыто стремились римскіе первосвященники, основывая на этомъ единство церкви, въ дѣйствительности же преслѣдуя интересы своей каѳедры. Духовенство было тоже латинское, т. е., не мѣстное и чуждое народу, воспитанное по римской программѣ и по книгамъ, которыя Римъ одобрилъ для всеобщаго употребленія, отъ которыхъ отступать объявлено было ересью, хотя бы содержаніе ихъ не имѣло отношенія къ христіанству (господство Аристотеля). Явилось направленіе мысли, существо котораго, повидимому, заключалось въ примиреніи двухъ требованій, изъ коихъ одно принадлежало человѣческой душѣ, а другое Риму, первое состояло въ томъ, чтобы мыслить, а второе въ томъ, чтобы додумываться всегда до того лишь, что одобрено Римомъ (схоластика). Но изученіе латинскаго языка сдѣлало возможнымъ ознакомленіе съ памятниками классической римской литературы, которая послужила орудіемъ для борьбы съ крайностями папизма. Эта борьба, состоявшая, съ одной стороны, въ защитѣ, а съ другой стороны, въ отрицаніи всего средневѣковаго духовнаго строя, вызвала такое возбужденіе умственныхъ силъ, какому мы нигдѣ не нашли бы подобія. Эта борьба ведется до сихъ поръ, потому что и до сихъ поръ ни одинъ народъ Западной Европы не достигъ духовнаго единенія въ пониманіи, или отношеніи къ христіанству.

У насъ на Руси всего этого небыло. Православное христіанство проповѣдано было славянскимъ народамъ на славянскомъ же языкѣ. Въ этомъ выразилась та мысль православной церкви, что христіанство усвояется каждымъ народомъ и каждымъ членомъ народа свободно, по силѣ народнаго или личнаго разумѣнія, сообразно съ народными свойствами или личнымъ характеромъ. Православіе есть въ существенномъ единство, въ сомнительномъ свобода и во всемъ любовь. По мысли православія доступъ къ разумѣнію и усвоенію христіанства, ученіе и обряды котораго изложены въ Св. Писаніи и въ богослужебныхъ книгахъ, открытъ для каждаго вѣрующаго, если онъ умѣетъ читать или слышать читаное,—каждому искателю Христовой истины наша церковь предоставляетъ испытать писанія.

Что же изъ этого вышло?

Тѣмъ, кто любитъ показное, можетъ быть приходилось ощутить сожалѣніе о томъ, что у насъ всегда была такъ мало замѣтна церковная жизнь, не было ни блестящихъ соборовъ, ни смѣлыхъ ересей, ни схоластики, ни борьбы съ схоластикой, ни католицизма, ни реформаціи. Съ болѣе вѣрной точки зрѣнія такія сожалѣнія напрасны. Напротивъ, при здравомъ пониманіи дѣла, мы могли бы гордиться тѣмъ, что происходило и до сего времени происходитъ у насъ, пока западъ борется съ врагами, которыхъ онъ же родилъ и выкормилъ, разрушаетъ свои же сооруженія. У насъ сѣмя христіанства было брошено прямо въ народную почву и жизнь его проходила въ глубинѣ народной души. О томъ, что совершается на такой глубинѣ, не можетъ намъ сказать никакое историческое изученіе, которое всегда видитъ лишь результаты того, что зарождается и зрѣетъ, молча, въ народномъ духѣ. Въ періодъ удѣльно-вѣчевой Руси, когда областная или земская жизнь имѣла всего болѣе простора, когда княжеская власть ограничивалась самыми внѣшними и формальными отношеніями къ подданнымъ, великая работа совершалась внут-

ри народа: онъ учился христіанству и достигалъ его разумѣнія. Когда раздался татарскій погромъ, началась борьба съ Нѣмцами и Шведами, народъ подготовленный этой внутренней работой, сознал себя, какъ народъ христіанскій, или *крестьянскій*, и отличалъ отъ себя всѣ другіе народы именно, какъ нехристіанскіе.

Какъ же онъ понялъ христіанское ученіе?

Онъ понялъ его сообразно съ своимъ разумѣніемъ и съ свойствами народной души, понялъ не въ формѣ отвлеченной доктрины, а въ формѣ практическихъ истинъ, простыхъ молитвъ и образовъ, сіяющихъ для каждаго и силой и любовію. Таковъ былъ въ особенности образъ Христа, ходящаго по землѣ и расточающаго милости несчастнымъ, образъ Божіей Матери, слезной ходатаицы за родъ христіанскій, образъ Николая Чудотворца, котораго народъ русскій назвалъ милостивымъ, Иліи Пророка, которому поручено управленіе дождемъ и грозой, явленіями столь важными въ жизни земледѣльческаго населенія. Народъ полюбилъ церкви, съ ихъ благолѣпіемъ, съ иконами въ блестящихъ окладахъ, съ блескомъ свѣчей, съ колокольнымъ звономъ, вызывающимъ на душу о смерти, о спасеніи. Народъ полюбилъ православное богослуженіе съ его трогательными молитвами, съ умиленнымъ пѣніемъ,—полюбилъ и *почитаніе книжное*, какъ необходимое для разумѣнія совершаемаго и поемаго въ церкви, какъ занятіе вообще спасительное и богоугодное. Никто не говорилъ народу, что онъ грубъ и не понимаетъ христіанства. Это отрицаніе народнаго христіанства и даже глумленіе надъ нимъ возникли у насъ тогда, когда небольшая часть русскихъ людей познакомилась съ западно-европейскимъ просвѣщеніемъ, увлеклась имъ и къ явленіямъ русской жизни стала прилагать мѣрило чуждое, неправославное, или, по крайней мѣрѣ, не народное.

Убѣжденная, что христіанство просто и для всѣхъ понятно, церковная власть въ древней Руси не хотѣла организо-

вать духовенства, какъ особаго сословія, съ высшимъ умственнымъ цензомъ, со всестороннимъ пониманіемъ христіанскаго богословія. Древне-русское духовенство не мѣшало народу думать и чувствовать, какъ Богъ положилъ народу на душу, не проповѣдывало, что христіанство выше разумѣнія народной массы, не навязывало народу отвлеченныхъ христіанскихъ истинъ, потому что оно происходило изъ самаго народа и народомъ избиралось.

Здѣсь мы находимъ великій контрастъ съ тѣмъ, что было на западѣ. Тамъ христіанскій народъ въ лучшихъ своихъ представителяхъ, съ извѣстнаго времени, въ невѣжествѣ и нравственной порчѣ духовенства обвиняетъ папство, у насъ въ невѣжествѣ духовенства народъ считалъ виновнымъ самого себя: Епископъ Новгородскій Геннадій (въ XVI в.) писалъ, что къ нему иногда приводятъ для посвященія людей, которые по богослужебнымъ книгамъ ступить не умѣютъ, онъ затрудняется посвящать ихъ, а ему говорятъ: «что же намъ дѣлать? Нельзя найти грамотныхъ людей; земля, господине, такова». Никогда и нигдѣ не предоставлялось большей свободы религіозно-нравственному развитію народа.

Но пользуясь такой свободой, весь русскій народъ одинаково отнесся къ христіанству и одинаково уразумѣлъ его. Такъ какъ онъ весь находился на одной степени умственнаго развитія, находился внѣ стороннихъ вліяній, былъ одного языка, населялъ однообразную мѣстность и въ извѣстной степени велъ одинаковый образъ жизни, то и христіанство въ народѣ русскомъ упрочилось и распространилось въ одной формѣ, такъ что Новгородецъ признавалъ своимъ братомъ по вѣрѣ жителя Кіевской области, хотя не признавалъ братства съ болѣе близкимъ къ нему по жительству Нѣмцемъ и Шведомъ. Отсюда и получилось духовное единство, которымъ была всегда такъ сильна русская земля.

Такого же единства народовъ хотѣла и западная церковь,

но она стремилась къ нему путемъ насилія, путемъ опеки, исключающей религіозно-нравственную свободу, путемъ унизительнаго гнета на мысль и чувство своихъ чадъ. Ей, правда, удалось въ извѣстной мѣрѣ достигнуть этого единства и нѣкоторое время его поддерживать; но это единство было нестолько духовное, сколько внѣшнее, оно не имѣло корня въ умахъ и сердцахъ вѣрующихъ. Оно выразилось въ крестовыхъ походахъ, въ которыхъ вся Европа ополчалась противъ враговъ креста; но за то оно стало падать и замѣнилось борьбой, возстановляющей брата на брата, съ тѣхъ поръ, какъ народы стали стремиться къ сверженію опеки Рима. Духовное единство русскаго народа есть плодъ сознательнаго и свободнаго усвоенія христіанства, и потому народъ хранитъ его доселѣ, какъ залогъ своего великаго будущаго.

Какъ скоро это единство выработалось,—что произошло не вдругъ,—народъ сталъ искать политическаго центра, онъ стремился создать православное царство и соединиться подъ его сѣнію. Носителями этой идеи являются Московскіе князья-собиратели,—и смотрите, какъ охотно идетъ подъ ихъ державу внѣшне-раздробленный, но духовно-цѣльный русскій народъ. Къ нимъ на службу приходятъ Литовскіе князья, они пользуются сочувствіемъ простаго народа въ Новгородѣ, имъ безъ сопротивленія Псковъ уступаетъ свою вѣчевую свободу, всякое стремленіе къ политической особности поникаетъ предъ общерусской идеей православнаго царства. Не по хвастовству, а по чувству правды, Московскій князь именуетъ себя Царемъ *всея Руси*, хотя до Екатерины не наша была Бѣлоруссія и часть Малороссіи, а до Алексѣя Михайловича русскіе цари и князья владѣли меньше, чѣмъ половиной Россіи, понимая подъ этимъ послѣднимъ именемъ совокупность всѣхъ земель, населенныхъ русскими. Москва тогда еще чувствовала, что идея православнаго царя, православнаго русскаго царства подчиняетъ ей духовно и подчинитъ когда нибудь внѣшне всю Россію.

Простому народу не нужно политическихъ правъ, за которыя усиленно стоятъ высшіе классы общества, но нравственно развитый и духовно свободный народъ создаетъ себѣ государственную идею, создаетъ образъ политическаго цѣлаго, которое онъ хочетъ составлять. Эта идея или образъ для русскаго народа неотдѣлимы отъ идеи православнаго и великаго царя. *Православнаго*, потому что онъ есть представитель духовнаго единства русскаго народа, а это единство заключается въ общемъ для всѣхъ русскихъ христіанствѣ; *великаго*, потому что въ его величіи заключается слава, гордость и величіе русскаго имени и всего народа православнаго.

Никто не сознавалъ этой идеи въ такой ясности, какъ Іоаннъ IV, мудрый законодатель, виновникъ небывалой государственной силы Россіи, возвеличившій ее пріобрѣтеніями царствъ Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго. Онъ понималъ свое отличіе отъ тѣхъ государей, которые выбраны *многомятежной волей народа*, и производилъ свою власть отъ Бога. И въ этомъ отношеніи онъ только слѣдовалъ народной идеѣ православнаго царя, царя великаго, слѣдовательно не случайнаго, опирающогося не на мнѣнія и желанія человѣческія, которыя бываютъ часто ошибочны и злы, но на избраніи божественнаго Промысла, на помазаніи отъ Бога, Который и есть верховный правитель міра и всеблагій защитникъ православнаго народа. Такъ какъ духовное единство русскаго народа есть единство религіозное, то и власть царя, который есть представитель этого единства, должна покоиться на религіозномъ основаніи, на небесномъ избраніи. Іоаннъ IV, какъ извѣстно, для приданія большой торжественности своему титулу, въ дѣйствительности же лишь выражая въ яркихъ чертахъ народную мысль, предпосылаетъ своему титулу слѣдующее, какъ тогда говорили, богословіе. «Троице пресущественная и пребожественная и преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ христіаномъ, Дателю премудрости, преневѣдомый и пресвѣтлый Крайній Верхъ! на-

прави насъ на истину Твою и настави насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людѣхъ Твоихъ по волѣ Твоей. Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію и хотѣніемъ удержахомъ скипетръ россійскаго царствія мы, великій государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи самодержецъ, Владимірскій, Московскій» и проч..

Такъ изъ свободнаго усвоенія чистаго христіанскаго ученія возникло духовное единство всей Руси. Поляки, наши братья по славянской крови, исключили себя изъ этого единства, ибо ихъ религіозно-нравственное развитіе шло подъ опекой Рима и іезуитовъ. За то другой, даже и не славянскій, но православный народъ искалъ сліянія съ зачинавшимся въ Москвѣ великимъ православнымъ царствомъ. Это былъ народъ Грузинскій, царь котораго при сынѣ Грознаго Ѳеодорѣ, присылалъ въ Москву пословъ и молилъ Московскаго царя взять древнюю знаменитую Иверію подъ свою высокую руку: «мы— единовѣрные братья Россіянъ и стонаемъ отъ злочестивыхъ (Турокъ и Персовъ); единъ ты, вѣнценосецъ Православія, можешь спасти нашу жизнь и душу. Бью тебѣ челомъ до лица земли со всѣмъ народомъ; да будемъ твои во вѣки вѣковъ».

Самодержавная верховная власть на Руси была средоточіемъ, къ которому тѣснился русскій народъ, въ силу своего религіозно-нравственнаго единства. При этомъ измѣна власти была бы измѣной и православному народу, казалась бы измѣной и православію. И позднѣе измѣнниковъ, подобныхъ Мазепѣ, отлучали отъ церкви; вора-Отрепьева также. Курбскій измѣнилъ Царю Іоанну Васильевичу Грозному; въ перепискѣ съ Іоанномъ онъ обличаетъ послѣдняго въ кровопійствѣ, измѣнѣ обычаю православныхъ царей русскихъ; но кажется, что, обличая, онъ только стремится заглушить муку своей души, пересилить разсудочными доказательствами терзанія совѣсти, твердившей, что онъ измѣнилъ русскому царству, а слѣдовательно и православію и народу православному. Русскіе не по-

нимали людей, которые легко измѣняли. Когда въ 1576 году Ливонскіе дворяне, защищавшіе Гапсаль, который былъ тогда очень важной крѣпостію, сдали его русскимъ лишь только царскій воевода увѣрилъ ихъ въ совершенной безопасности, и затѣмъ, въ тотъ самый часъ, когда русскіе входили въ городъ, веселили и тѣшили себя оживленной пирушкой, то одинъ изъ нашихъ молодыхъ князей сказалъ своему пріятелю-нѣмцу: «Если бы мы русскіе живые сдали непріятелю такую крѣпость, то никто изъ насъ не смѣлъ бы взглянуть прямо въ лицо доброму христіанину.» Нельзя при этомъ не вспомнить добрымъ словомъ Московскихъ пушкарей, которые въ 1578 году въ битвѣ при Венденѣ, видя невозможность защищать далѣе ввѣренныя имъ орудія и ужасаясь мысли отдаться непріятелю, *повѣсились* на своихъ пушкахъ.

Теперь намъ можно понять смыслъ отвѣта, который Псковичи дали Стефану Баторію на предложеніе сдачи: «Мы не жиды, не продаемъ ни Христа, ни царя, ни отечества; не слушаемъ твоей лести, не боимся угрозъ. Иди на брань: побѣда зависитъ отъ Бога»... Подобно тому, какъ всѣ части физическаго тѣла имѣютъ физическое тяготѣніе къ центру, такъ всѣ части огромнаго народа русскаго имѣютъ религіозное и нравственное стремленіе къ средоточію, къ православному великому царю, а царь Іоаннъ Васильевичъ былъ, несмотря на свои недостатки, и православный и великій царь.

Немного спустя послѣ обороны Пскова отъ Стефана Баторія, донскіе казаки, имѣя у себя во главѣ Ермака Тимоѳеевича и уже господствуя въ Сибири на развалинахъ Кучюмова царства, били челомъ Іоанну этимъ царствомъ. Они поступили совершенно, какъ русскіе православные люди, которые все сносили, все терпѣли, все перемогали, все предпринимали, все дѣлали, чтобы великому православному царству не захудѣть, не осиротѣть, не унизиться, но славиться и переходить отъ силы въ силу.

О нашихъ предкахъ можно сказать словами Апостола, что они *вѣрою побѣдиша царствія*. Вѣра христіанская, усвоенная русскимъ народомъ свободнѣе и потому глубже, чѣмъ всякимъ другимъ народомъ, была основаніемъ духовнаго единства этого народа. Почувствовавъ это свое единство, русскій народъ сталъ искать и внѣшней цѣльности, стремился собраться и создалъ великое православное царство, основанія котораго въ глубинѣ народнаго духа. Это единеніе народа въ вѣрѣ православной было и да пребудетъ навсегда залогомъ величія и прочности русскаго царства.

